

Научный семинар
УДК 908(571.6).
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства

Чжуанчи СУНЬ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Олег Геннадьевич КАРПОВИЧ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, ogk@dipacademy.ru

Евгений Евгеньевич ВЛАСОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vlasov.ee@dvfu.ru

Лидия Николаевна СИДОРОВА

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, lid.nik.sidorova@gmail.com

Вадим Борисович КОЗЮЛИН

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, v.kozyulin@dipacademy.ru

Юнхуэй ЛИ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Василий Николаевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, annadobcom@yahoo.com

Сян'ин ОУЯН

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dmitrieva.mo@dvfu.ru

Антон Александрович ГРИШАНОВ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, a.grishanov@dipacademy.ru

Ичэнь НЮ

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Дарья Олеговна МАРТЫНОВА

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, daria.mosolova@gmail.com

Сяюнь ЦЯН

Шанхайская академия международных исследований, Шанхай, Китай, external@siis.org.cn

Артем Леонидович ЛУКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lukin.al@dvfu.ru

Сянжон ДОН

Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай, zgshkxw@cass.org.cn

Андрей Игоревич КОЗИНЕЦ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozinetc.ai@dvfu.ru

Сяньцзюй ВАН

Центр исследования России Народного университета Китая–Санкт-Петербургского государственного университета, Пекин, Китай, international@ruc.edu.cn

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvfu.ru

Юэ ШАН

Китайская академия современных международных отношений, Пекин, Китай, yuhao@cicir.ac.cn

Аннотация. В публикации представлены материалы российско-китайского круглого стола Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства, состоявшейся 30 января 2024 г. В мероприятии приняли участие ученые-международники Дальневосточного федерального университета, Дипломатической академии Министерства иностранных дел (МИД) России и Китайской академии общественных наук (КАОН). В ходе круглого стола эксперты рассмотрели специфику региональной архитектуры в АТР и обсудили особенности концептуальных взглядов РФ и Китая на международные отношения в Азии.

Ключевые слова: АТР, РФ, КНР, Корейский полуостров, региональная безопасность, мировой порядок

Для цитирования: Сунь Чжуанчи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Ню Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ. Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 11–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

© Сунь Чжуанчи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Ню Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ, 2024

Scientific seminar
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order

Zhuangzhi SUN

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Oleg G. KARPOVICH

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, ogk@dipacademy.ru

Evgeny E. VLASOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vlasov.ee@dvvu.ru

Lydia N. SIDOROVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, lid.nik.sidorova@gmail.com

Vadim B. KOZYULIN

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, v.kozyulin@dipacademy.ru

Yunhui LI

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Vasily N. DOBROVOLSKY

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, annadobcom@yahoo.com

Xiangying OUYANG

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Marina O. DMITRIEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dmitrieva.mo@dvvu.ru

Anton A. GRISHANOV

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, a.grishanov@dipacademy.ru

Yichen NIU

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Daria O. MARTYNOVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, daria.mosolova@gmail.com

Xiaoyun QIANG

Shanghai Academy of International Studies, Shanghai, China, external@siis.org.cn

Artyom L. LUKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lukin.al@dvvu.ru

Xiangzhong DONG

Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, zgshkxw@cass.org.cn

Andrey I. KOZINETS

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozinets.ai@dvvu.ru

Xianju WANG

Center for Russian Studies of the People's University of China–St. Petersburg State University, Beijing, China, international@ruc.edu.cn

Leonid E. KOZLOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvu.ru

Yue SHANG

Chinese Academy of Modern International Relations, Beijing, China, yuhao@cicir.ac.cn

Abstract. The publication presents materials from the Russian-Chinese round table East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order, held on January 30, 2024. The event was attended by international relations scholars from the Far Eastern Federal University, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia and Chinese Academy of Social Sciences (CAOS). During the round table, experts examined the specifics of regional architecture in the Asia-Pacific region and discussed the features of the conceptual views of the Russian Federation and China on international relations in Asia.

Keywords: Asia-Pacific region, Russian Federation, China, Korean Peninsula, regional security, world order

For citation: Sun Zhuangzhi, Karpovich O.G., Vlasov E.E., Sidorova L.N., Kozyulin V.B., Li Yunhui, Dobrovolskij V.N., Ouyang Xiangying, Dmitrieva M.O., Grishanov A.A., Niu Yichen, Martynova D.O., Qiang Xiaoyun, Lukin A.L., Dong Xiangrong, Kozinets A.I., Wang Xianju, Kozlov L.E., Shang Yue. East Asia and the Asia-Pacific: actors and tasks of the regional architecture of the world order // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 11–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>

Вступительные слова

Модератор – Ли Юнхуэй

Сунь Чжуанчжи: Добрый день, уважаемые коллеги! В настоящее время мы наблюдаем, как набирает оборот эскалация блоков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны сталкиваются с вызовами, которые требуют от них проведения реформ

и преобразований. Санкции, направленные Западом против России, заставляют Москву проводить корректировки как на национальном уровне, так и на уровне двусторонних отношений и международных институтов.

Мы стали свидетелями меняющейся ситуации на мировом уровне. Наша эпоха – это эпоха больших перемен. Наши научные институты с этой точки зрения должны сыграть свою роль в выработке конкретных ответных мер на противостояние и адаптацию к меняющейся обстановке в регионе и в мире. На фоне обостряющейся конфронтации в АТР дружественным странам необходимо поддерживать взаимное доверие. Осознавая свою связность, Россия и Китай могут через двусторонние отношения расширить меры доверия на весь регион. Это сообщество единой судьбы на региональном уровне.

Поддержка бизнеса, экономическое и культурное взаимодействие должны служить драйвером для подъема сотрудничества на других уровнях. В этой связи перекрестное проведение годов культуры России и Китая и подобные мероприятия являются хорошей основой укрепления сотрудничества. Надеюсь, наше мероприятие тоже будет способствовать этой цели.

Карпович О.Г.: Уважаемые коллеги! Я не совсем соглашусь с Конфуцием, который говорил: "Не дай бог жить в эпоху перемен". Считаю, что, если перемены в положительную сторону, они должны быть реализованы. Мы стали свидетелями тектонических сдвигов, создаются новые центры силы, эпоха однополярности подходит к концу.

Новая концепция внешней политики РФ уделяет АТР и Китаю большое внимание. Это очень важно. Англо-саксонский мир в концепции находится на последнем месте, что указывает на приоритеты во внешней политике Российской Федерации.

В АТР происходят серьезные изменения. США пытаются втащить всех в новое НАТО. Мы внимательно наблюдаем за Тайванем, и некоторые признаки того, что происходило на Украине, мы можем отследить и здесь.

К сожалению, американцы совершают все действия в мире по одному сценарию. И нам нужно делать выводы и предпринимать определенные меры противодействия. У РФ есть ряд проектов, среди них – Большое евразийское партнерство. Мы были бы признательны, если бы китайские партнеры уделили этому проекту повышенное внимание.

Глобальный Юг, глобальный Восток, мировое большинство – новые термины, которые получил научный мир и которые требуют своего осмысления. В международных отношениях появился запрос на справедливость. Большинство – более 7 млрд. человек. Они не хотят строить международные отношения по старым правилам. И современность требует баланса интересов, взаимного уважения между государствами и учета интересов всех участников международного общения. Нам есть о чем подумать и какие выводы сделать.

Мао Цзэдун сказал: "Меньшинство должно подчиниться большинству". Я надеюсь, что скоро мы станем свидетелями нового справедливого мирового порядка.

Власов Е.Е.: Хотел бы поблагодарить сотрудников Дипломатической академии МИД России за инициативу проведения этого мероприятия и пользоваться случаем, поздравить с юбилеем вашу организацию. В 1934 г. был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников, и вот на протяжении уже 90 лет Академия готовит высокопрофессиональных дипломатов, работающих во всех уголках мира на благо России.

Этот год также является юбилейным и для нас. 125 лет назад был создан Восточный институт, из которого вырос университет. В настоящее время Восточный институт-Школа региональных и международных исследований ДВФУ – это один из ведущих в России образовательных и научных центров по изучению Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Безусловно, нам есть что обсудить друг с другом, поскольку Россия и Китай – азиатско-тихоокеанские державы и восточноазиатские соседи. Сейчас мы достигли небывалого уровня доверия в стратегическом партнерстве, и вполне возможно, что именно эти отношения, которые строятся на дружеских и культурных

связях, станут базисом для нового миропорядка. Наша конференция становится еще одним примером партнерства не только между нашими организациями, но и между двумя странами.

Уверен, что сегодняшний семинар, организованный такими известными научными центрами, пройдет на высоком уровне, результаты будут полезны всем участникам, а предложенные рекомендации найдут свое применение в дальнейшей практической деятельности.

Ситуация в регионе

Модератор – Сидорова Л.Н.

Козюлин В.Б. (доклад "Военная ситуация на Тихом океане и в АТР"): Здравствуйте, коллеги! Сегодня мы говорим о стратегическом регионе, где сходятся три наиболее важных пролива в мире: Малаккский, Зондский и Ломбокский – и три прибрежных государства: Индонезия, Малайзия и Сингапур, – способных контролировать большую часть мирового торгового пути. И, конечно, Соединенные Штаты хотят контролировать эти пути (торговые, энергетические, логистические). Президент Обама даже назвал себя "первым тихоокеанским президентом".

В то же время аналитики отдают предпочтение военной мощи Китая в сравнении с Соединенными Штатами, правда без учёта ядерного оружия. В трёх показателях из четырёх Китай лидирует: по численности армии, по количеству сухопутных вооружений и по количеству кораблей. При этом Соединённые Штаты имеют серьёзное преимущество в воздухе: по военным самолётам более чем в 3 раза, по самолётам-заправщикам в 38 раз, по вертолётам в 3 раза. Но и ощутимый перевес в количестве эсминцев, авианосцев и вертолётоносцев. Военные расходы Соединённых Штатов почти в три раза выше, чем у Китая, но эффективность расходования средств (военных расходов) у Китая тоже выше раза в три. Так что, наверное, здесь мы можем говорить о примерном паритете.

По оценкам американских учёных Китай обладает примерно 500 ядерными боеголовками. В Пентагоне считают, что к 2030 г. Китай будет иметь 1000 ядерных боеголовок, т.е. всё равно в пять раз меньше, чем Соединённые Штаты сегодня. Соответственно, они разворачивают противоракетную оборону, и в 2019 г. признали в своём докладе "Обзор противоракетной обороны США", что система противоракетной обороны призвана противостоять не только Северной Корее, но и рассчитана на сдерживание Китая и России.

Соединенные Штаты разворачивают глобальную систему противоракетной обороны. Речь идёт о строительстве интегрированной многоуровневой архитектуры противоракетной обороны, причём в западной части Тихого океана, на второй цепи островов, также строится вторая линия противоракетной обороны. Ну и конечно, Соединённые Штаты стремятся окружить Китай системой военных баз, политических и квазиполитических военных союзов, таких как AUKUS, QUAD и др.

Прочитирую начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Герасимова, который сказал, что создание в АТР подобных НАТО военных блоков, как AUKUS (Австралия, Великобритания, США), тройственный союз США – Япония – Республика Корея и других квазиальянсов военной направленности, "привносит в регион вызовы и угрозы, аналогичные тем, с которыми сегодня столкнулась Европа".

Мы наблюдаем, как Вашингтон втягивает европейские государства в противостояние с Китаем, очевидно, против их воли. То есть, с одной стороны, будучи частью запада, Евросоюз демонстрирует свою поддержку Америке, с другой стороны, будучи важнейшим экономическим партнёром Китая, Евросоюз отказывается пока рассматривать Китай как экзистенциальную угрозу своей безопасности.

Подобную двойственную позицию мы можем видеть в стратегических документах ведущих европейских стран (Франции, Германии, Нидерландов), но отдельным выделяется британский документ, опубликованный в 2021 г., который характеризуется враждебным отношением к Китаю. То есть, Великобритания враждебно настроена против Китая.

НАТО демонстрирует агрессивные планы не только на море, но и в космосе. В феврале прошлого года 16 стран НАТО подписали соглашение о создании объединённой группировки национальных и коммерческих космических спутников под названием "Аквила", т.е. они объединяют свои космические ресурсы с тем, чтобы совместно использовать их в военных целях.

В заключении хочу сказать, что, вероятно, мы можем предвидеть два сценария: либо новую "холодную войну" в регионе, где участников разделяют социальные, идеологические различия и где они борются за геополитическое преобладание в разных сферах, либо возможен второй оптимистический сценарий, где соперничество принимает форму соревнования в экономике и в технологиях, а не конкуренции в сфере безопасности и обороны, что, наверное, менее вероятно, но возможно.

Модератор: Благодарим Вадима Борисовича за такой чёткий и точный обзор ситуации на суше, море, воздухе и даже в космосе, сравнительный анализ военных потенциалов и планов стран.

Ли Юнхуэй (доклад "Особенности геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии"): Сейчас, когда мир вступил в новый период потрясений и перемен, восточноазиатский регион, в котором расположены Китай и Россия, также претерпевает глубокие изменения. Нынешнее стратегическое противостояние с Соединёнными Штатами не может быть сравнено с эпохой "холодной войны". Оно не означает всеобъемлющего стратегического соперничества: китайско-американское противостояние отлично от антагонистической борьбы между США и СССР во времена "холодной войны". В то время Советский Союз стремился одержать победу над Соединёнными Штатами и западными странами. Китай, в свою очередь, имеет другие цели и не стремится к развязыванию новой войны, но для государства это, бесспорно, серьёзный вызов.

С целью общего развития мира Китай представил концепцию "сообщества единой судьбы человечества", глобальную инициативу развития и обеспечения мировой безопасности. Основная цель заключается в продвижении инклюзивного, справедливого и основанного на сотрудничестве мира, построенного совместно западными странами, включая Соединённые Штаты.

Важно поддерживать устойчивые российско-китайские отношения, которые, однако, во многих отраслях сталкиваются со всё большим количеством ограничений. На фоне развёртывания стратегического противостояния между Китаем и Соединёнными Штатами необходимо правильно позиционировать российско-китайские отношения, сопрягать их с глобальными инициативами в области безопасности, продвигаемыми Китаем, поддерживать мир во всём мире, а также обеспечивать интересы развития Китая и достижение великой цели национального возрождения. Эти задачи требуют нашего углубленного исследования.

Модератор: Для изложения российского взгляда на геополитическую динамику в регионе мы предоставляем слово **Василию Николаевичу Добровольскому**, чрезвычайному и полномочному посланнику 1 класса, советнику Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Добровольский В.Н. (доклад "Особенности геополитической динамики в субрегионе Восточной Азии и АТР"):

Спасибо большое! Уже говорилось, что Азиатско-Тихоокеанский регион претерпевает изменение международного политического ландшафта, но геополитические трансформации протекают без таких острых конфликтных разломов, которые мы видим в Европе. На это влияет несколько факторов:

Во-первых, Азия географически удалена от основных театров противостояния сегодня.

Во-вторых, в Азии традиционно велика роль социальных и экономических факторов. Без их решения (социальных и экономических проблем развития) невозможно решать проблемы военной безопасности. Военными мерами доверия здесь не обойдётся.

В-третьих, международные институты Азии, такие как ШОС или ЕврАзЭС, несмотря на пандемию, несмотря на политические стрессы, оказались (и это хоро-

шо) не подвержены тем разрушающим факторам, которые действуют в Европе. Может быть, эти институты в Азии были и сейчас менее структурированы, чем европейские бывшие аналоги, но они оказались более устойчивые и жизнеспособные.

В-четвертых, принципиально важно, чтобы в Азии укоренилась своя традиция решения задач безопасности – искать развязки на принципах инклюзивности, консенсуса, учёта интереса всех. Это уже культурный код Азии, который нарушить практически невозможно.

И представляется, что эта совокупность факторов и особенности специфики Азиатско-Тихоокеанского региона выделяют его среди других в качестве перспективной площадки перехода к многополярной архитектуре мироустройства, которая была бы адекватна с изменившимися реалиями мира. Но не все так хорошо, и геополитическая картина региона не столь спокойна, не столь благодушна, как хотелось бы. Есть попытки разрушить стабильное течение событий в Восточной Азии. Главный вызов здесь – это неоколониальный курс США и НАТО на удержание монополии в регионе. Этот курс Вашингтона активизировал условия перемен международных отношений, включая украинский кризис.

Можно также констатировать, что в мировоззренческом плане применительно к АТР разумно, как мне кажется, говорить не о противостоянии каких-то отдельных сил или стран, а о противостоянии двух тенденций: с одной стороны, архаичной однополярности, которую представляют США и коллективный Запад, и, с другой стороны, движение к многополярности, которое представляет мировое большинство.

И вот тут Россия и Китай: они не обременены колониалистским прошлым в отличие от Запада, поэтому как бы выглядит, что они выступают вместе, как условное единое целое на пути к объединению с большинством региона на тех же основах, присущих Азии: открытости, инклюзивности и равноправия.

Очень тезисно о том, как мешает ситуации деструктивный курс США и НАТО:

1) Нарастание их силового потенциала и продвижение своих военных мероприятий в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, но при Байдене с усиленной опорой на азиатских союзников (Япония, Австралия, Южная Корея и Новая Зеландия).

2) Перенос в регион в разной форме элементов НАТОвской инфраструктуры. Тут можно долго рассказывать, но речь идёт, с одной стороны, о втягивании азиатских партнеров в работу НАТО, а с другой стороны, стандартизации работы с ними всё большего числа НАТОвских стран уже на театре АТР. В двух направлениях идёт данное "подтягивание".

3) Развитие сети так называемых "блоковых кластеров", которые противопостоят российско-китайскому партнерству, асеаноцентризму и центрам притяжения, таким как ШОС, БРИКС и др., т.е. институтам, которые не носят в своей основе блокового характера. Блоковость пытаются противопоставить внеблоковости (путём QUAD, QUAD+, AUKUS и т.д.).

Уже, к сожалению, регион начал обрастать новой блоковой составляющей, но она встречается большинством азиатских стран с настороженностью и неприятием. Она противоречит базовым традициям Азии. Важно, что они эти усилия пробуксовывают. На лицо осторожность азиатских стран, которые не хотят вовлекаться в противоборство с кем бы то ни было. Как известно, антикитайскую коалицию или антироссийскую коалицию единомышленников создать не удалось.

Изначально США и НАТО пытались объединить вокруг себя силы против Китая. С обострением украинского кризиса они стали говорить о противодействии не только Китаю, но и России и российско-китайскому стратегическому партнёрству, которые якобы несут угрозы западным ценностям и интересам. Но и эта задача пока только в сфере риторики: за исключением союзников США азиатские страны уходят от таких конфронтационных тезисов, равно как и уходят от присоединения к санкционной политике.

Таким образом, можно предположить на будущее, что блоковый напор на Азию будет сбрасывать обороты перед лицом объективной реальности. Кроме того, в Азии достаточно сил, для которых навязывание формул порядка, ведущего к расколу региональной жизни, неприемлемо. Более того, один из возможных и желательных сценариев на будущее – это здоровая консолидация этих сил, в частности, в континентальной части Азии.

Как двигать к этому? Думается, что всё-таки есть условия для такого объединительного движения к новому полицентричному миропорядку на основе содействия тем тенденциям, которые уже показали свою устойчивость. Это может помочь развитию китайских инициатив, в том числе инициативы "Пояса и пути" и концепции "Сообщества единой судьбы человечества", равно как реализации российской стратегической идеи Большого евразийского партнерства в их взаимовыгодном сопряжении.

Можно было бы начать агрегацию наиболее важных многосторонних институтов путём выявления перекрёстных зон и общих активностей. На этой основе мы могли бы прийти к выработке единых концептуальных рамок, геополитические очертания которых соответствовали бы реалиям региона. Важно, чтобы это движение агрегации шло от жизни: на основе реальных достижений, а не путём подчинения каким-то искусственным схемам, которые могут оказаться нереалистичными. Таким образом, есть что изучать и есть над чем работать.

Модератор: Спасибо, Василий Николаевич, за этот выход из геополитических реалий на уровень культурных мировоззренческих обобщений.

Оуян Сян'ин (доклад "О китайском взгляде на многополярность мира и экономическую глобализацию"): Дорогие друзья из России, коллеги, позвольте еще раз приветствовать вас на сегодняшнем семинаре. Мне особенно приятно выступать вместе с Василием Николаевичем, выдающимся специалистом по Азиатско-Тихоокеанскому региону и, в частности, Китаю. Более того, я бы хотела отметить, что мои взгляды и видения схожи с его позицией.

В настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион играет ключевую роль в быстро меняющемся мировом порядке, особенно учитывая кризис в тайваньском проливе и расширение НАТО на Восток Азии, что делает данный регион потенциальным местом конфликтов. Китай, несомненно, является важной силой в АТР. Его действия оказывают значительное влияние на процессы развития региона и всего мира.

Я сфокусирую внимание только на рассмотрении следующего вопроса: является ли Китай разрушителем или защитником международного порядка?

В конце прошлого года Китай провел Центральное рабочее совещание по вопросам иностранных дел. На встрече было подчеркнуто, что в ответ на крупные экономические проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современный мир, необходимо стремиться к многополярности и инклюзивной экономической глобализации. Иными словами, Китай не является деструктивным государством ныне действующего миропорядка, однако он не в полной мере признает его. Китай стремится установить более справедливый и равноправный международный порядок путем мирных усовершенствований. Все государства, которые будут задействованы в этом процессе, будут бенефициарами, включая страны-гегемоны. Почему?

Во-первых, китайская концепция о глобальном управлении строится на принципах совместного обсуждения, создания (строительства) и использования с целью активного продвижения демократизации международных правил управления.

Демократизация означает, что все страны, независимо от их размера, экономического развития и военной мощи, должны участвовать в международных делах на равноправной основе, обеспечивая равные возможности для всех стран в международном экономическом сотрудничестве. Я считаю, что данная концепция находит широкую поддержку со стороны многих стран в мире.

Во-вторых, на первый взгляд может показаться, что страны-гегемоны могут понести от равноправного сотрудничества потери и ущерб своих интересов, что возможно в краткосрочной перспективе, но не верно в долгосрочной.

Почему мы должны помогать развивающимся странам, особенно бедным регионам? Здесь имеет место быть чувство гуманизма, но это также соответствует законам экономики. Жадность может показаться хорошей идеей, однако на самом деле это игра с нулевой суммой. Только общее процветание мира может принести процветание каждой стране.

Суть конфуцианства заключается в том, что необходимо поступать по отношению к другим так, как вы бы хотели, чтобы относились к вам. Необходимо помогать другим ради собственного благополучия. То есть, если вы хотите выжить, вы должны позволить другим выжить в первую очередь. Если вы хотите развиваться, вы должны позволить другим развиваться тоже. По-моему, это не просто эгоистические выгоды, а также забота о партнёрах и взаимовыгодное сотрудничество.

Кто-то может спросить: "Равноправие и взаимная выгода звучат прекрасно, однако как их достичь? Это же пустые слова".

Нет, мы считаем, что это возможно. Экономика определяет политическую надстройку. В международной политике ключ к равенству лежит в отражении новой реальности мировой экономики: в глобальном управлении, в увеличении представительства и голосов развивающихся стран и стран БРИКС в международных организациях и в разных повестках дня, в формировании справедливого и эффективного глобального финансового управления, открытого и прозрачного глобального торгового и инвестиционного управления, зеленого и низкоуглеродного глобального энергетического управления и инклюзивного и связанного глобального управления развитием.

Мы против того, чтобы США манипулировали SWIFT и захватывали МВФ для изъятия налогов по всему миру. Мы также считаем, что Всемирный банк и Международный валютный фонд с самого начала были под контролем западных держав, которые продвигали общие западные интересы. Поэтому мы полагаемся на ШОС и группу стран БРИКС для создания многоуровневой структуры глобального финансового управления. Этот подход не носит подрывного, поворотного характера, а является новым форматом сотрудничества Юг-Юг, который оптимизирует существующую международную финансовую систему.

Мы знаем, что в существующей международной системе широко распространено неравенство, но мы надеемся достичь постепенного улучшения международного порядка через собственное развитие и укрепление, а также развивающихся стран и стран БРИКС. Это будет выгодно большинству стран мира. Надеюсь, что наши друзья поймут это.

Однако многополярность означает децентрализацию, и в случае, если мы поспешим с данным процессом, это может привести к критической ситуации. Вместе с Россией мы подчеркиваем авторитетное положение и роль Организации Объединенных Наций и международного права.

На сегодняшний момент Россия добивается многополярности региональным противостоянием. Я понимаю эти действия. Китай также выступает за многополярность, однако считает его достижение долгосрочным процессом, на пути которого лежит много сложностей. Как многополярность, так и однополярность напрямую определяются расстановкой сил мировых держав или их коалиций на мировой арене. Однако в данном вопросе мы всегда подчёркиваем необходимость демократического развития. Страны равны независимо от их размера и силы, и это способствует созданию "сообщества единой судьбы человечества". Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое, уважаемая госпожа Оуян Сян'ин. Интересно, что близость российско-китайских взглядов фиксируется не только в отношении многополярности, но и в терминологии, которую используют наши гости и участники сегодняшнего круглого стола.

Проблемы в регионе

Модератор – Дмитриева М.О.

Гришанов А.А. (доклад "О месте АТР в американской политике при нынешней и будущей администрациях"): Большое спасибо, уважаемые коллеги. Рад всех приветствовать. Я постараюсь обратить внимание на некоторые ключевые моменты, с моей точки зрения, которые стоило бы упомянуть в этом контексте.

Уважаемые коллеги, проблема американской политики в отношении Азиатско-Тихоокеанского или, как говорят в Вашингтоне, Индо-Тихоокеанского региона носит, с одной стороны, комплексный характер, с другой стороны, в значительной степени обусловлена динамикой и внутривнутриполитическими событиями в самих Соединенных Штатах Америки.

Безусловно, в момент окончания "холодной войны" для США в плане менталитета и общего видения международной ситуации крайне важно не допустить появления хоть какой-то полноценной конкуренции в геополитическом плане со стороны любой выходящий на первый план региональной или мировой державы, будь то Россия или Китай. И именно этим в значительной степени обусловлены американские действия в Азиатском регионе. Тем не менее, как все мы с вами видим, в американских подходах отсутствуют последовательность и в значительной степени логика.

Несмотря на то, что в ходе официальных мероприятий, включая, например, прошедшую на прошлой неделе встречу Джейка Салливана и министра Ван И, в США говорят о необходимости нормальной здоровой конкуренции с Китаем, то, что они делают, в значительной степени не соответствует декларируемым целям и задачам политики Вашингтона. Поворот в сторону Азии (Pivot to Asia), который США собираются совершить уже много лет, они не могут совершить в том числе в связи с тем, что толком нет четкого понимания, как совершить этот разворот, при этом сохранив концентрацию и контроль над другими регионами мира, от Европы до Ближнего Востока, а с другой стороны, в связи с отсутствием ярко выраженного видения сути политики в Индо-Тихоокеанском (как они говорят) или Азиатско-Тихоокеанском (как говорим мы с вами) регионе.

Если мы посмотрим на Стратегию американской политики в Индо-Тихоокеанском регионе, опубликованную два года назад, мы увидим скорее набор общих слов, нежели конкретное описание того, как Вашингтон планирует строить деятельность в этом направлении. По сути, Вашингтон на этом направлении работает ситуативно, отталкиваясь и от тех или иных событий, тревожащих американский истеблишмент, и в целом от внутривнутриполитического настроения в США, где для значительной части элит, да и населения тоже, нужен образ внешнего врага. Именно поэтому, как я уже говорил, мы должны рассматривать американский курс в отношении Китая и в целом всего региона исходя из внутривнутриполитической динамики, предвыборной динамики Соединенных Штатов.

К сожалению, в настоящий момент обе партии: республиканцы и демократы – оказались во многом зациклены на восприятии Китая как угрозы, как страны, с которой в будущем неизбежна та или иная форма конфронтации вплоть до военной, и настраивают своих избирателей, как и весь вашингтонский истеблишмент, на необходимость длительного противостояния КНР и перестраивания всей политики в русле данной идеи.

Конечно же, это не соответствует реальной ситуации, реальной обстановке в регионе. И мы наблюдаем отсутствие у значительной части американских политиков, так называемых "десижн-мейкеров" (decision-makers), некоего конкретного и объективного восприятия комплекса проектов, включая "Пояс и Путь", "Большое Евразийское партнерство", включая и соглашения о сотрудничестве России и Китая, которые подменяют мифологемами, внедряемыми в массовое сознание.

В значительной мере это может быть и обусловлено тем фактом, что в США среди лиц, принимающих ключевые решения, не так много фигур, хорошо понимающих специфику в развитии ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Именно

поэтому, по сути, единственным авторитетным экспертом такого рода в администрации Байдена считается Курт Кэмпбелл, номинированный на должность первого заместителя госсекретаря. Да и то, некоторые компетентные эксперты по Азии в той же команде Трампа, как, например, Мэтт Поттингер, подстраивались под идеологическую потребность и предвыборные ожидания правящей партии и его начальства.

Конечно, среди дипломатов среднего уровня, послов, специалистов немало людей, которые понимают, что реальная ситуация в Азии отличается от того крайне упрощённого образа, который возобладал в умах американских политиков. Но им не дают возможности проявить себя, тем более что в дело вступили лоббистские группы. И буквально в конце прошлого года мы наблюдали, как комиссия при Конгрессе США, в которой тоже заседали лоббисты военно-промышленного комплекса, опубликовала огромный доклад, обосновывающий неизбежность военно-столкновения США с Россией и с Китаем и необходимость перестройки всей американской военно-политической системы на подготовку к этому будущему противостоянию, что подразумевает выделение миллиардов долларов.

К сожалению, команда Байдена, от которой ожидали больших компетенций и профессионализма, чем от команды Трампа, не оправдала этих ожиданий. И те лица, которые задают тон в окружении президента, продолжают, по сути, позиционировать себя и свою политику в русле тех же подходов, которые в целом были характерны для администрации Трампа и, возможно, будут характерны для следующей администрации Трампа, где уже сегодня, как очевидно, в случае его победы на выборах ключевую роль будут играть как раз противники сближения с Китаем, такие как, например, Питер Наварро, его советник по экономике и торговле.

Заканчивая, я бы хотел сказать, что при том, что администрация Байдена действует в русле устоявшихся с момента прихода к власти Трампа подходов, проводит якобы комплексный курс по созданию системы военно-политических блоков в регионе, пытается сдерживать развитие Китая и навязать Китаю, вопреки китайским подходам, миролюбивым и конструктивным, навязать им геополитическое соревнование в стиле "холодной войны". Несмотря на это, у команды Байдена, как, кстати, и у команды Трампа, нет четкого видения дальнейших перспектив этого противостояния и позиции США на ситуации, сложившиеся в последние годы вокруг других кризисов в Европе, сейчас на Ближнем Востоке.

Мы можем прийти к четкому пониманию, что в целом и у партнеров США, и у глобального Юга, глобального Востока нет понимания того, куда США собираются двигаться, и нет желания подыгрывать США в рамках внутривнутриполитической борьбы различных группировок, в которой подчинена американская внешняя политика. Хочется последовательности и хочется конструктивного мирного взаимодействия, что не соответствует американской политике и американским проектам в Азиатском регионе.

Именно поэтому – это мой последний тезис – даже те страны, которые вовлечены в американские проекты в регионе, в американские блоки (например, Индия), они всё-таки не заинтересованы в том, чтобы напряженность в Азии переросла в тот кризис, о котором нередко говорят американцы. И они будут предпринимать совместно с другими игроками, включая Россию, максимум усилий для того, чтобы разрядить ситуацию и вокруг Тайваня, и вокруг других спорных вопросов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, способствовать ее мирному решению. По факту, единственным деструктивным игроком сегодня являются США. И, к сожалению, эта тенденция сохранится вследствие особенностей американской внешнеполитической и внутривнутриполитической системы.

Остается лишь радоваться, что влияние США в значительной степени снижается и многие акторы в большей степени ориентируются на свой интерес, нежели на инструкции и указания из Вашингтона. Это тот позитивный момент, на котором мы можем и должны сосредоточиться. Большое спасибо за внимание.

Ню Ичэнь (доклад "Негативное влияние американского мышления "конкуренция великих держав" на Восточную Азию и АТР"): Выражаю благодар-

ность коллегам и модератору. Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион, являясь центром многих мировых геополитических событий, стали одним из основных регионов реализации американской стратегии "конкуренции великих держав".

Мы рассмотрим два вопроса: во-первых, что представляет собой американская концепция "конкуренции великих держав", какие у нас есть представления о ней, и, во-вторых, какие действия США предпринимают в рамках этой концепции в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и каковы их последствия.

В рамках рассматриваемой концепции необходимо в первую очередь обратить внимание на понятие "великая держава". США не предоставляют четкого определения и критериев этого понятия. В зависимости от того, на какие критерии мы будем опираться, "великой державой" могут считаться разные страны. Например, по критерию площади территории страны выделяют США, Россию и Китай; по критерию размера населения страны – Китай и Индию; по критерию мощи государства – США, Китай, Россию, Англию и Францию; по экономическим показателям – США, Китай, Японию и Германию.

Однако в настоящее время объектами американской стратегии "конкуренции великих держав" или, по сути, ее мишенями являются только Китай и Россия. Критерии, по которым США выбирают своих конкурентов, – это их сугубо субъективное решение, не имеющее объективной основы. Соединённые Штаты развязали "конкуренцию великих держав", потому что считают, что обладают достаточным силовым преимуществом и смогут одержать в ней победу.

Я считаю, что конкуренция между странами – объективный процесс, и в определенных пределах она может иметь положительное, конструктивное и стимулирующее воздействие на развитие мира. Однако в американской стратегии "конкуренции великих держав" отсутствуют данные позитивные элементы. В её основе лежат эгоизм, изоляционизм, игра с нулевой суммой ("ты выиграешь, я проиграю", политика "не друг, так враг"), а также силовое превосходство и стремление к доминированию. Методы и средства, которые США используют в этой "конкуренции", также деструктивны. Я считаю, что причиной препятствий на пути к сотрудничеству, разрывов отношений, разделения регионов на противоборствующие лагеря является "конкуренция великих держав", развязанная США. Этим я хочу закончить первую часть своего выступления.

Во второй части мы рассмотрим действия США в рамках "конкуренции великих держав" и их последствия для Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Предыдущие эксперты уже представили много примеров действий США в этом регионе, я не буду их повторять. Тезисно обобщу их. Во-первых, в АТР и Восточной Азии Соединённые Штаты постоянно наращивают военную мощь, укрепляют отношения со своими союзниками и привлекают другие страны на свою сторону. Все эти действия направлены на противостояние Китаю и России. При этом большинство склоняется к тому, что данные действия направлены только против Китая. Однако на самом деле, после того как США использовали ситуацию в Украине с целью преградить путь к сближению России с Европой и укрепить Североатлантический альянс, Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион стали для США важной ареной для сдерживания как Китая, так и России.

В настоящее время США, помимо укрепления отношений в треугольнике США-РК-Япония, усиления военных баз на территории стран-союзниц, создания AUKUS и продвижения Индо-Тихоокеанской стратегии, активно провоцируют конфликты между региональными государствами и разжигают "горячие точки".

Помимо этого, США потакают Японии, например, поддерживая ядерные амбиции страны и смягчая ограничения на военные действия Японии, в стремлении привлечь ее на свою сторону. Всё это имеет крайне негативные последствия для региона и представляет опасность для всего мира.

США, по сути, хотят втянуть Восточную Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион в "конкуренцию великих держав", в которой Китай и Россия будут выступать противниками и "мишенями", а другие страны – инструментами для реализации

их корыстных целей. США стремятся использовать свое текущее силовое превосходство для создания преимуществ в будущем противостоянии. Однако я считаю, что их замыслы и желания могут оказаться в противоречии с реальностью. На сегодняшний день не все страны готовы вступать в "конкуренцию великих держав".

Несмотря на то, что США постоянно подрывают атмосферу сотрудничества в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, углубляют разногласия и противоречия между государствами, обостряют "горячие точки" и ухудшают региональную безопасность, имеются также и положительные моменты. Так, Китай и Россия усиливают двустороннее сотрудничество, играя важную роль в регионе. Китайские инициативы находят все большую поддержку в мире.

Модератор: Спасибо большое. И сейчас у нас будет завершающий доклад по блоку "Политика Соединённых Штатов в регионе".

Мартынова Д.О. (доклад "США-Япония-Республика Корея: курс на дальнейший раскол в АТР?"): Дорогие коллеги, добрый день. За последние два года в регионе Северо-Восточной Азии произошли довольно значительные геополитические изменения. Можно выделить следующие события. Во-первых, в конце 2022 г. в Японии обновилась Стратегия национальной безопасности. Одновременно с этим Республика Корея приняла Стратегию свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона. Это разные по характеру внешнеполитические документы, но их объединяет общая база, что есть некий свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион и есть некие силы, они даже в японском документе конкретизируются, которые хотят ввести в этот регион хаос.

Концепция Индо-Тихоокеанского региона получается своего рода бомбой замедленного действия, потому что изначально она создавала впечатление просто некоего геополитического переосмысления региона. Но в том виде, в каком она в дальнейшем стала трактоваться США и Японией, сейчас она уже трансформировалась в идеологическую базу для создания эксклюзивного внешнеполитического блока ВТР.

Южная Корея долго, в принципе, воздерживалась от присоединения к этой концепции, но при президентстве Юн Сок Ёля эти процессы стали быстро набирать обороты. Кроме этого, в Южной Корее есть явная тенденция к переосмыслению южнокорейскими элитами своего места на мировой арене, поскольку все чаще подчеркивается роль республики как хранительницы демократических ценностей не только у себя дома, но и во всем мире.

Вторым важным пунктом в контексте этой ситуации является усиление сотрудничества НАТО с Японией и Республикой Корея. Обе страны приветствуют усиление сотрудничества с НАТО и возрастание роли Альянса в обеспечении безопасности Индо-Тихоокеанского региона. Они становятся мостом сотрудничества между НАТО и АТР, что, разумеется, будет способствовать только расколу региона на блоки. Тем более с учетом того, что в регионе есть уже AUKUS и QUAD.

Третий момент – это то, что мы фактически видим оформление союза между США, Японией и Республикой Кореей. Вашингтонская декларация между США и Южной Кореей, подписанная в апреле 2023 г., заметно повысила напряженность в регионе, но она привнесла скорее количественные, а не качественные изменения в отношении американского военного присутствия.

Зато осязаемое сближение в рамках треугольника произошло в прошлом году в Кэмп-Дэвиде, где США удалось достигнуть того, что даже было сложно предположить еще недавно: сплочение двух союзников, между которыми очень сложные исторические отношения. Насколько прочным окажется этот союз между Японией и Кореей, сейчас предположить сложно, потому что при смене власти, особенно в Южной Корее, могут произойти изменения. Но представляется, что инновационные процессы, которые сейчас были запущены в США, быстро не остановить.

Перспективы пользы от такого союза Японии и Кореи с США представляются достаточно сомнительными ввиду того, что растущая напряженность в регионе, которую провоцирует США, не дает шансов для мирного урегулирования се-

рокорейской ядерной проблемы, и не только ее, хотя упущенных возможностей были десятки.

Вовлечение Японии и Кореи в тайваньский вопрос серьезно усиливает для них экономические и военные риски, при этом мало что предоставляя взамен. В случае, если в регионе действительно возникнет конфликт, США, скорее всего, понесут минимальные военные потери, в отличие от Японии и Республики Корея, которые, скорее всего, понесут катастрофические. Однако, несмотря на это, Япония и Южная Корея пока способствуют проведению американской политики разделения региона на блоки, при этом провоцируя очень большое количество разного рода рисков.

Понятно, что и Япония, и Республика Корея во многом являются заложниками военных союзов США и в целом проводимой ими политики в регионе в течение десятилетий.

Как представляется, позиция Китая сейчас во многом выжидательная, несмотря на достаточно провокативные шаги Сеула и Токио, поскольку он имеет серьезный потенциал давления на эти страны, в особенности экономического. Предсказать развитие ситуации сложно, но вероятнее всего США будут оказывать всё большее давление на своих союзников, при этом подвергая их как экономическим, так и военным рискам.

Модератор: Большое спасибо. Предлагаю от рассмотрения негативных тенденций в АТР перейти к более позитивной теме, а именно к российско-китайскому сотрудничеству в регионе.

Цян Сяюнь (доклад "Роль России и Китая в обеспечении безопасности в СВА"): В 2023 г. расстановка сил в Северо-Восточной Азии претерпела существенные изменения. В частности, наблюдается усиление альянса между США, Японией и Южной Кореей. Двусторонние союзы США-Япония и США-Южная Корея постепенно трансформируются в трехсторонний альянс, который нацелен на институционализацию отношений между тремя странами и реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов Америки. Такое развитие трёхстороннего сотрудничества окажет влияние на ситуацию в Северо-Восточной Азии как минимум по следующим четырем направлениям:

1) В идеологической сфере будут усилены их позиции в противостоянии Китаю и России;

2) США будут предоставлять стратегическую поддержку двум странам, чтобы сформировать глобальную цепочку поставок в формате "США-РК-Япония" или "США-РК-Япония+" для расширения своего сотрудничества в научно-технологической сфере, в частности, связанной с полупроводниками;

3) Япония и Южная Корея смогут осуществлять высокоуровневое стратегическое сотрудничество в сфере высоких технологий;

4) США, Япония и Южная Корея сформируют силы для сдерживания КНДР и реагирования на ее действия.

Таким образом, ситуация в Северо-Восточной Азии обостряется, вероятность возникновения кризиса увеличивается, а также усиливается тенденция к региональному разделению на блоки. В таких условиях российско-китайское сотрудничество приобретает особую актуальность.

Китай и Россия – две крупнейшие мировые державы, которые являются важнейшими субъектами в Северо-Восточной Азии. Отношения между странами являются краеугольным камнем обеспечения безопасности и стабильности в регионе.

В прошлом лидеры двух стран выдвинули инициативу формирования общих механизмов (рамки) для сохранения безопасности в АТР. В 2010 г. страны подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия, в котором было отмечено, что страны стремятся сформировать механизмы сотрудничества в АТР. Затем в 2013 г. на Восточноазиатском саммите также обе державы заявили о заинтересованности в формировании

общих рамок по безопасности и сотрудничеству в АТР. В своей инициативе Китай и Россия подчеркивают, что она поможет сохранить стабильность и мир в регионе, способствовать устойчивому экономическому развитию Китая и России, а также защитить геополитические интересы двух стран.

В марте 2023 г. лидеры Китая и России подписали Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Стороны подтвердили, что будут продолжать поддерживать друг друга по вопросам, затрагивающим ключевые интересы каждой стороны, совместно противостоять внешнему вмешательству и попыткам дестабилизации внутренней политики.

Очевидно, что обострение ситуации в Северо-Восточной Азии затрагивает национальные интересы Китая и России. Китай всегда выступал против начала новой "холодной войны" и блокового деления в регионе, придерживаясь позиции сохранения мира и стабильности в СВА.

В сентябре прошлого года в Сеуле состоялась встреча высокопоставленных дипломатов Китая, Японии и Южной Кореи с целью восстановления механизма трёхстороннего сотрудничества. Это яркий пример готовности Китая направлять усилия стран региона на экономическое развитие и сотрудничество, преодолевая тенденции к блоковой эскалации.

В заключение хотела бы ещё раз подчеркнуть, что Китай и Россия выступают стабилизаторами Северо-Восточной Азии. Мы должны совместно с другими странами региона активно искать новые пути выхода из ситуации в сфере безопасности, стремиться к формированию общего видения развития региона. Спасибо всем за внимание.

Модератор: Спасибо большое. И тему российско-китайского сотрудничества в Восточной Азии я попрошу продолжить заместителя директора Центра исследования России Народного университета Китая–СПбГУ Ван Сяньцзюя.

Ван Сяньцзюй (доклад "Несколько мыслей о китайско-российском сотрудничестве в Восточной Азии и АТР"): Я хотел бы отметить, что почерпнул много интересной информации во время выступления моих коллег. К сожалению, время сегодня ограничено, и я не смогу раскрыть доклад в полном объёме.

В настоящее время ситуация в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе усложняется. Что делать Китаю и России в этих условиях?

Госпожа Цян Сяююнь затронула несколько ключевых моментов, касающихся сотрудничества между Китаем и Россией. Я хотел бы дополнить ее выступление двумя пунктами. Говоря про всеобъемлющее стратегическое партнёрство между нашими странами, мы должны сфокусироваться на развитии Дальнего Востока России и северо-восточного региона КНР. В этом направлении я вижу две ключевые проблемы:

- 1) Недостаточная развитость транспортной инфраструктуры и логистики.
- 2) Отсутствие согласованности между Китаем и Россией в вопросах развития дальневосточных регионов.

Например, Чунцин – один из экономических центров юго-западных провинций Китая, через который протекает река Янцзы. На его территории насчитывается более 50 мостов, и еще несколько мостов находятся в процессе строительства. В то же время на реке Амур, протяженность которого более 4000 километров, функционируют только два небольших моста. Считаю, что этого недостаточно для пограничной реки, играющей большую роль в сфере логистики. И мы знаем, что Китай обладает значительным опытом и возможностями в строительстве мостов.

Второй проблемой я вижу необходимость скорейшего обновления или пересмотра Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений, которое было подписано в 2006 г. Мы понимаем, какую роль инвестиции играют в развитии торговых отношений между двумя странами. Однако я часто встречаюсь с китайскими предпринимателями, в частности, представителями частной промышленности, которые выражают нерешительность в отношении

инвестиций в Россию. Причина заключается в том, что до сих пор не изменены законодательные нормы в сфере инвестиционной защиты, и они опасаются потери капиталовложений.

Второй момент, который я хотел бы отметить и о котором уже говорили мои коллеги, – это Индо-Тихоокеанская стратегия. В настоящее время США продолжают ставить рамки Индо-Тихоокеанского экономического сотрудничества, которые носят эксклюзивный характер: Россия и Китай лишены возможности участия. Что делать нашим странам в этой ситуации?

Бывший премьер-министр Примаков когда-то предлагал создать трёхсторонний механизм взаимодействия между Китаем, Россией и Индией, более того, он играл важную роль в развитии трёхстороннего сотрудничества. Были видны результаты. Однако в последние годы наблюдается откат этого сотрудничества.

В настоящее время Индия является членом Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. Но ее роль в этих организациях не является достаточно активной. Напротив, в последние годы отношения между Индией и США усилились как в экономической и торговой сферах, так и в военном сотрудничестве.

Индия за последние годы добилась значительного прогресса в развитии. Поэтому мы должны достаточно серьезно относиться к её роли и значению в обеспечении безопасности, стабильности и развитии Азиатско-Тихоокеанского региона.

Я считаю, что нам не следует складывать руки и наблюдать за тем, как США пытаются привлечь Индию на свою сторону.

В трёхсторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем отношения между Россией и Индией являются более тесными, в то время как между Китаем и Индией существует немало противоречий и проблем. Поэтому я считаю, что России следует играть более активную роль в продвижении трёхстороннего механизма сотрудничества как в стратегической, так и в других практических сферах. Мы также надеемся, что Россия сможет сыграть позитивную роль в улучшении отношений между Китаем и Индией.

Модератор: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, мы переходим к следующему блоку докладов. Они объединены одной темой, посвященной ситуации на Корейском полуострове.

Лукин А.Л. (доклад "Стратегические дилеммы КНДР и развитие ситуации на Корейском полуострове"): Здравствуйте, уважаемые коллеги в Москве, Пекине и Владивостоке! На мой взгляд, одна из главных причин нынешнего обострения кризиса заключается в том, что очень заметно меняется военный баланс на Корейском полуострове. Я сделаю, может быть, несколько парадоксальное утверждение. Оно заключается в том, что, на мой взгляд, Северная Корея слабеет в военном отношении, становится более слабой, в то время как Юг, Южная Корея, усиливается. И это как раз-таки порождает нестабильность на корейском полуострове.

Северная Корея, как известно, придерживается идеологии чучхе, опоры на собственные силы, и благодаря этой идеологии Северная Корея является одним из немногих государств мира, который обладает реальным суверенитетом. Но та же самая северокорейская идеология чучхе обусловила экономическую и технологическую отсталость КНДР. И отсталость экономики, отсталость технологий привело к тому, что кроме ядерного оружия, остальные сферы военной мощи КНДР очень сильно отстают от Южной Кореи. Приведу пример. Известно, что у КНДР практически нет современных военно-воздушных сил. У КНДР практически отсутствуют современные военно-морские силы, то есть на море и в воздухе Северная Корея очень слаба.

В то же время Южная Корея, хотя и не обладает полным суверенитетом и является младшим союзником США, но благодаря своей развитой экономике, благодаря сотрудничеству с США и другими западными странами Южная Корея сегодня превратилась в одну из ведущих военных держав мира. У Юга нет ядерного оружия, но Сеул может создать ядерное оружие буквально в течение года, если захочет. То есть преимущество Северной Кореи, ядерное преимущество, оно очень условное, очень прозрачное и, по сути, никаким преимуществом не является.

Кроме того, мы должны помнить, что ядерное оружие – это инструмент с очень ограниченным спектром применения. Нельзя вести войну ядерным оружием. И Северная Корея применит ядерное оружие только в самом крайнем случае. В большинстве других военных сценариев Северная Корея ядерное оружие применить не может.

Если между Севером и Югом вспыхнет какой-то пограничный конфликт, например, в районе сухопутной демилитаризованной зоны (ДМЗ) или на море, то у Юга гораздо больше шансов выйти победителем и нанести Северу чувствительное поражение.

Я думаю, что руководство КНДР очень хорошо и очень остро осознает свою растущую уязвимость перед лицом южнокорейской военной угрозы. И именно поэтому Северная Корея сегодня пытается найти внешних союзников, которые могут помочь Северной Корее обеспечить военную безопасность. Кто могут быть эти союзники? Мы знаем, что единственный официальный союзник КНДР – это Китайская Народная Республика. Но в то же время мы знаем, что между Северной Кореей и Китаем практически нет никакого военного сотрудничества, и Китай, судя по всему, не готов развивать военное сотрудничество с Северной Кореей. Единственным возможным военным партнером для КНДР – это Россия. И именно поэтому, как мне кажется, Ким Чен Ын сейчас стремится к сближению с Москвой. Именно поэтому Ким Чен Ын побывал у нас на российском Дальнем Востоке несколько месяцев назад и пригласил Путина побывать с визитом в Пхеньяне.

Если Россия действительно начнет оказывать КНДР военную помощь в виде поставки каких-то военных технологий, обмена разведывательной информацией или проведения совместных военных учений, то тем самым Россия поможет восстановить пошатнувшийся военно-политический баланс и тем самым поможет укрепить безопасность на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

Есть такое английское выражение, англосаксы его любят произносить, "weakness provokes" ("слабость провоцирует"). Так вот, если Северная Корея будет слабой, то это может спровоцировать Юг на проведение военной операции или какой-то провокации против Севера. Поэтому, если Россия будет оказывать военную поддержку Северу, будет стараться компенсировать его слабость в сфере неядерных вооружений, я думаю, это укрепит безопасность на Корейском полуострове. Но при этом я хочу подчеркнуть, что именно Китай будет оставаться главным гарантом стабильности и безопасности на Корейском полуострове. Китай обладает мощными рычагами воздействия и на Пхеньян, и на Сеул. Обратите внимание, что КНДР уже более шести лет не проводит ядерных испытаний. Я могу предположить, что именно Китай удерживает Пхеньян от проведения ядерных взрывов.

Ну и в завершение возникает вопрос: насколько сегодня скоординированы, согласованы действия между Москвой, Пхеньяном и Пекином? Лично у меня нет четкого ответа на этот вопрос. Судя по всему, дипломатическое взаимодействие в треугольнике России-КНР-КНДР пока носит исключительно двусторонний характер.

Я напомним, что в октябре 2018 г., то есть более 5 лет назад, в Москве были проведены трехсторонние консультации России, КНДР и Китая на уровне заместителей министров иностранных дел. Но с тех пор никаких публичных, во всяком случае, трехсторонних переговоров между нами не было. Поэтому, наверное, преждевременно говорить о том, что формируется какой-то трехсторонний северный альянс в Северо-Восточной Азии России, Китая и Северной Кореи, который был бы направлен против Америки, Южной Кореи и Японии. Тем не менее я не исключаю того, что в будущем такой трехсторонний альянс или квази-альянс между Россией, Китаем и КНДР может появиться. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое. И от фокуса на КНДР мы логично перемещаемся на юг. О восприятии и реакции Южной Кореи на международную ситуацию в области безопасности расскажет заведующая отделом политики стран Азии Института АТР и глобальной стратегии КАОН Дон Сянжон.

Дон Сянжон (доклад "Восприятие и реакция Южной Кореи на международную ситуацию в области безопасности"): Спасибо организаторам за приглашение. Перед своим выступлением я бы хотела дать краткий отзыв о выступлениях предыдущих спикеров, особенно госпожи Мартыновой и господина Лукина. Я хочу посмотреть на них с китайской и южнокорейской перспективы. Я согласна со многими вашими мыслями, но в некоторых аспектах наши взгляды различны.

Я согласна с госпожой Мартыновой в том, что ситуация на Корейском полуострове, связанная с формированием нового квази-альянса США-РК-Япония и, в частности, отношениями между Японией и Южной Кореей, вызывает значительные изменения в регионе Северо-Восточной Азии. Особенно резкие изменения во внешней политике Южной Кореи произошли после прихода к власти администрации Юн Сок Ёля.

Прошу обратить внимание на следующие ключевые моменты. Российская сторона недостаточно оценивает влияние украинского кризиса. Так, всего через две недели после начала проведения СВО на Украине в РК состоялись выборы президента, которые проходят каждые пять лет. Тогда кандидат от правящей партии Юн Сок Ёль выиграл с минимальным перевесом в 0,73%, что стало историческим антирекордом. Я считаю, что в случае, если бы не произошла эскалация конфликта на Украине, Юн Сок Ёль не смог бы прийти к власти.

Хочу напомнить, что рейтинг одобрения президента Мун Чжэ Ина в конце его правления был очень высоким – более 40%. В истории Южной Кореи никогда еще не было такого высокого рейтинга у действующего президента. Более того, правительство Мун Чжэ Ина придерживалось курса дружественных отношений с Россией и предложило план "Девяти мостов" для развития отношений с Москвой. В рамках своей политики было запланировано всестороннее стратегическое сотрудничество с Россией в девяти сферах, включая судостроение, Северный морской путь, добычу газа, строительство железных дорог и т.д.

Однако после начала военного конфликта в Украине Южная Корея резко сменила свою внешнюю политику. Южнокорейские избиратели отвергли правительство Мун Чжэ Ина, которое было довольно дружественным к России.

Хотела бы напомнить, что Южная Корея – это страна, население которой чувствует глубокую уязвимость в плане безопасности. Поэтому после начала военного конфликта в Украине она полностью повернулась в сторону США для обеспечения своей безопасности. Данные моменты были четко описаны в докладе госпожи Мартыновой.

В одном из выступлений была высказана важная мысль о том, что сейчас мы находимся на этапе однополярного мира, возглавляемого США, и другие страны недовольны таким порядком. Необходимо создать новый миропорядок. Однако я считаю, что есть значительные различия в понимании Китаем и Россией старого и нового миропорядка. Если ограничиться только Корейским полуостровом, то для нас сохранение существующего статус-кво предпочтительнее усугублению конфликта.

Также господин Лукин говорил о том, что Россия готова развернуть военное сотрудничество с КНДР и этим поможет КНДР преодолеть дисбаланс сил (так как ядерного преимущества у страны фактически нет) и сформировать мир и стабильность на полуострове. Такая точка зрения полностью неприемлема.

Я не согласна с тем, что разработка ядерного оружия КНДР проводилась с целью сбалансировать силы, а также то, что на сегодняшний момент РК имеет потенциал произвести ядерное оружие в течение года, что приведет к утрате достигнутого баланса. Данная борьба "противовесов" ни что иное, как гонка вооружений.

Также хотела бы прокомментировать выступление господина Козюлина, который провел сравнение военных потенциалов США и Китая. Он сказал, что на данный момент Китай превзошел США в трёх показателях: по численности армии, по количеству сухопутных вооружений и по количеству кораблей, и на данный момент военные потенциалы двух стран находятся примерно равны. Я полностью

не согласна с этим. Я считаю, что США имеет подавляющее преимущество перед Китаем по количеству вооружений. Это факт. Спасибо за внимание.

Модератор: Мы переходим к другому важному сюжету, который влияет на международные отношения в АТР. Это ситуация в Тайваньском проливе.

Козинец А.И. (доклад "Развитие ситуации в Тайваньском проливе в контексте выборов на Тайване"): Добрый вечер, коллеги! Ситуация в Тайваньском проливе в последние несколько лет стала одним из самых острых вопросов не только в регионе, но, возможно, и в мире, который приковывает влияние глобальной аудитории. Хотя еще каких-то 9 или 10 лет назад, что по историческим меркам достаточно короткий срок, казалось, что ситуация в Тайваньском проливе не является такой уж острой и злободневной.

Мы видим, что сейчас, в сравнении с 9 или 10 лет назад, существует огромное изменение. Например, при предыдущем руководителе тайваньской администрации Ма Инцзю отношения между материком и островом в целом развивались в достаточно доброжелательном русле, и обе стороны следовали духу консенсуса 1992 г., развивая отношения по разным направлениям. Как известно, было заключено порядка 23 соглашений, увеличился поток туристов, и денежный оборот торговли между двумя сторонами составил порядка 170 миллиардов долларов. Сейчас же ситуация кардинально изменилась, и некоторые представители глобальной прессы пестрят заголовками о том, не станет ли ситуация в Тайваньском проливе новой горячей точкой в ближайшем будущем.

На мой взгляд, на ухудшение ситуации влияли события по нескольким направлениям. Это и внутривнутриполитические изменения на острове, провокационная деятельность нынешнего островного руководства, в том числе в лице Цай Инвэнь, но также, конечно, и изменения американской стратегии в Азии и изменившаяся динамика в отношениях между Пекином и Вашингтоном. Наблюдались провокации в отношении Пекина, что безусловно ухудшало отношения, подчеркивались различия, и, собственно, во многом ее внешнеполитические действия сводились к тому, чтобы понравиться западным партнерам, нежели развивать конструктивное отношение по обе стороны Тайваньского пролива.

И это находило определенный отклик особенно от американского истеблишмента. Здесь можно отметить, что Цай активно награждали различными памятными наградами, например медалью "За служение демократии" от Национального фонда демократии США, который финансируется американским Конгрессом.

Примечательно, что в описании награды этой медалью мы можем увидеть такие строки: "как и Украина, Тайвань находится в горниле нынешнего конфликта между демократией и автократией". Такое описание само по себе опасно и в то же время не совсем верно. Но что еще более важно и внушает определенный оптимизм, так это то, что мы можем сказать, что не все политические силы на острове имеют столь конфронтационное отношение. И в этой связи особенно выделяется действие того же бывшего руководителя в лице Ма Инцзю, который весной прошлого года посетил материковый Китай. Своим визитом он показал, что на острове и на материке живут китайцы, у которых общая культура и история.

Также в прошлом году он посещал Соединенные Штаты, и в рамках своих многочисленных выступлений в американских исследовательских центрах он подчеркивал, что не нужно из Тайваня делать вторую Украину, в том числе потому, что ситуации совершенно отличаются. Когда мы говорим о специальной военной операции, мы так или иначе говорим о противоречиях между суверенными государствами, членами ООН, Российской Федерацией и Украиной, в то время как проблема в Тайваньском проливе не является проблемой разных суверенных государств.

С очень высоким уровнем внимания следили за тем, чем завершатся выборы руководства островной администрации, прошедшие 13 января, рассматривая их как сигнал того, настроено ли общество на острове к поиску конструктивных решений во взаимоотношениях с Пекином и центральными властями, или же это продолжение в чем-то конфронтационной политики, дерзких заявлений и той линии, которая в целом проводилась с Цай Инвэнь. Здесь мы можем сказать, что одно-

значного ответа мы не получили, так как выигравший выборы на пост руководителя островной администрации Лай Циндэ, хоть и победил, но набрал порядка 40% голосов, то есть менее половины от всех избирателей. Это редкая ситуация, которая произошла впервые с 2000 г. Обычно победитель набирает больше.

Также если мы обратим внимание на результаты выборов в законодательную ветвь власти, то Демократическая Прогрессивная Партия, которую представляет Лай Циндэ, потеряла большинство. Сейчас в местном парламенте ни одна из партий большинства не имеет. Мы можем ожидать, что такая ситуация способна сдержать нового руководителя от каких-то резких и провокационных действий. В рамках своего официального победного выступления он отметил, что полон решимости защищать Тайвань, но, чтобы следовать официальным приличиям, также добавил, что надеется на развитие конструктивных отношений с Китайской Народной Республикой.

Если мы посмотрим на то, как в западных СМИ и в аналитических центрах отреагировали на результаты выборов на острове, мы четко увидим их радость по поводу победы Лай Циндэ, так как они видят его нежелательным кандидатом для Пекина. В этой связи мы также можем сказать, что альтернативные результаты, если бы, например, представитель Гоминдана – Хоу Юи – оказался победителем, Запад, особенно Соединенные Штаты, наверное, не устроили бы. Соответственно, появление политика, который будет вновь настроен на налаживание конструктивных отношений территорий, вряд ли соответствует их интересам.

Однако здесь также стоит отметить, что официальные лица Соединенных Штатов – государственный секретарь Блинкен и президент Байден – в рамках официальной своей позиции подчеркивали следование принципу "одного Китая". Байден даже заявил, что Соединенные Штаты естественно не поддерживают независимость Тайваня. Здесь мы также можем задуматься над тем, насколько Соединенные Штаты в ближайшем будущем смогут тем или иным образом использовать тайваньский вопрос в качестве инструмента давления на Пекин.

Возможности и ресурсы Соединенных Штатов, как стало очевидно за последние два года, не являются безграничными, несмотря на всю мощь этой сверхдержавы. Сегодня очевидно, что наличие многочисленных внутривнутриполитических проблем – это и миграционный кризис, и сложности с принятием бюджета, и противостояние между демократической и республиканской партией – очень сильно лимитируют возможности Вашингтона к конкретным действиям.

Становится очевидным, что Соединенные Штаты и их военно-промышленный комплекс на данный момент не в состоянии обеспечить достаточным количеством вооружений и амуниций всех своих многочисленных партнеров и сателлитов – от Европы и Ближнего Востока до Азиатско-Тихоокеанского региона. Они могут осуществлять отдельные демонстрации, возможно, участвовать в отдельных провокациях, но скорее всего в краткосрочной перспективе Соединенные Штаты не смогут участвовать в настоящем полноценном кризисе в регионе.

Исходя из всего сказанного, прихожу к следующему выводу: ни одна из сторон не готова и не заинтересована в эскалации и тем более в конфликте, но в целом можно дать умеренно пессимистический прогноз на ближайший год-полтора, что отношения в проливе будут ухудшаться, но без радикальных последствий. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, мы добрались до последнего блока, состоящего из двух докладов. Они объединены темой поворота России на Восток и её усилением по развитию Дальнего Востока.

Козлов Л.Е. (доклад "Как территориальное развитие Дальнего Востока влияет на позиции России в АТР"): Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! Сегодня я расскажу о том, как территориальное развитие Дальнего Востока влияет на развитие России в АТР. В существующей литературе по международным отношениям территория как ресурс внешней политики воспринимается прежде всего через физико-географические показатели, такие как климат. Но я полагаю, что в современных условиях аналогичное значение имеет социально-экономическое разви-

тие территории государства. Мне представляется, что прогрессивное развитие своих территорий помогает государству в следующих международных ситуациях:

- 1) привлечение на пустующую или оспариваемую территорию, иначе её называют "Terra Nullis", лояльного населения;
- 2) удержание освоенной территории с нелояльным населением или, иначе говоря, борьба с сепаратизмом;
- 3) создание экономической основы размещения вооруженных сил, охраняющих государственную границу;
- 4) создание экономической основы двусторонних отношений с соседними государствами и активизация внешнеторгового транзита;
- 5) накопление так называемой мягкой силы при помощи экспорта технологий "умных городов".

Первая ситуация, на наш взгляд, была актуальна в 2000-е годы, когда между Россией и Китаем не было большого доверия. В российском обществе были распространены опасения китайской экспансии, а отношения России и Европейского союза, напротив, были довольно тесные. Программы развития Востока России в этот период аргументировались дефицитом местного населения в сравнении с растущим населением Китая.

Мне кажется, что в настоящее время подобное восприятие внешней угрозы по многим причинам потеряло актуальность. Хотя демографические результаты региональной политики России на Дальнем Востоке оказались очень скромные: удалось только сократить быстрое сокращение постоянного населения, но так и не удалось перейти к его росту.

Вторая ситуация, возможно, никогда не представляла реальную угрозу российской государственности, однако центр старался исключить даже минимальные ее проявления, поэтому применял в управлении Дальним Востоком в 2010-е гг. не только меры социально-экономической поддержки, но и некоторые рестрикции.

Третья ситуация была актуальна в большей степени в советское время на фоне напряженности отношений как с Америкой, так и с Китаем. В настоящее время новые военные объекты строятся и модернизируются в гораздо меньших объемах, чем в советское время, и в основном в Арктике на американском направлении и на побережье Японского моря на японском направлении.

Общее развитие социальной инфраструктуры Дальнего Востока безусловно улучшает условия военной службы в регионе, например в аспекте жилья, культурного досуга, медицинского обслуживания, образования для детей военных. Однако регион едва ли способен полностью обеспечить своими силами снабжение военных местных частей гражданскими продуктами.

Четвертая ситуация, мне кажется, развивается для центра наиболее благоприятно по сравнению с остальными, а именно пропускная способность транспортных коммуникаций была намного расширена за последние 20 лет. Были построены новые автомобильные дороги, газо- и нефтепроводы, была значительно модернизирована железная дорога и энергетическая инфраструктура. Также были построены и продолжают строиться в настоящее время несколько новых специализированных морских портов. Именно развитие транспортной инфраструктуры в первую очередь способствовало быстрой переориентации российской внешней торговли с европейского направления на Азию после начала специальной военной операции.

Пятая же ситуация (я напоминаю – про технологии "умных городов") для России является малоактуальной да и малозначительной на фоне таких глобальных задач, как импортозамещение, параллельный импорт, ускорение производительности военно-промышленного комплекса.

Основной вывод моего доклада состоит в том, что активная региональная политика России на Дальнем Востоке, начатая в 2007 г., в значительной степени укрепила позиции России в международных отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это особенно заметно в аспекте внешней торговли, хотя, безусловно, даже в этом аспекте предстоит ещё многое сделать.

Отметим, что эти результаты были достигнуты, как говорят в Северной Корее, с опорой на собственные силы. Зарубежное участие в проектах развития ограничено выполнением подрядных работ. Иностраный крупный бизнес, в том числе китайский, не проявлял должной инициативы, поэтому наиболее прибыльные секторы региональной экономики сегодня занимают российские компании.

Уважаемые коллеги, спасибо за внимание!

Модератор: И завершает наше мероприятие доклад "**Поворот России на Восток: главные тенденции и особенности**", который представит заместитель директора Института Евразии Китайской академии современных международных отношений **Шан Юэ**.

Шан Юэ: На протяжении тысячелетий Восток играл для России очень сложную и многогранную роль. Российский поворот на Восток на современном этапе, таким образом, не стал новым явлением. Украинский кризис 2022 г., который привел к еще большей эскалации конфликта, сделал поворот на Восток неизбежным для России. В связи с этим сотрудничество России и Китая получило новые возможности для развития.

Я выделила три основных черты/особенности/тенденции ускоренного поворота России на Восток:

1) Смена внешнеполитического приоритета в сторону Востока. Это отразилось в новом издании Концепции внешней политики Российской Федерации, выпущенном в марте этого года, а также в усилении взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, Индию, Вьетнам и Северную Корею, за последние два года. Это наблюдается и на практике.

2) Перенос приоритета во внешней торговле и энергетической сфере на Восток. Я не стану приводить многочисленные данные по этому поводу.

3) Ускоренное развитие инфраструктуры и логистики в восточном направлении. В этот процесс входит построение двух трансграничных мостов между Россией и Китаем, а также запуск проекта по перевалке зерна в Забайкалье, ускорение строительства и модернизации Транссибирской магистрали и БАМа.

Кроме того, при повороте России на Восток можно выделить три отличительных черты:

- скорость: текущий поворот характеризуется беспрецедентной скоростью. России необходимо в кратчайшие сроки перестроить отношения с восточными странами в политической, экономической и энергетической сферах;

- глубина проникновения: этот поворот будет более длительным и всеобъемлющим;

- важность: этот поворот имеет огромное значение для будущего развития России.

Во второй части я хотела бы рассказать о новых возможностях российско-китайского сотрудничества. Ускоренный поворот России на Восток открывает перед двумя странами следующие перспективы:

- освоение российского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока: у двух стран есть огромный потенциал для совместного регионального развития, особенно в сферах энергетики, сельского хозяйства и производства продуктов питания. Объем взаимной торговли следует увеличивать в этих сферах;

- сотрудничество в Арктике: в этом регионе у двух стран есть широкие возможности для совместной работы в следующих сферах: научные исследования, охрана окружающей среды и борьба с изменениями климата. Необходимо совместными усилиями работать над совершенствованием системы управления Арктикой;

- совместное поддержание мира и стабильности в Северо-Восточной Азии: страны могут играть важную роль в этом направлении. Здесь я бы хотела отметить, что некоторые средние державы, например Япония и Индия, на фоне стратегического соперничества между США и Китаем и эскалации украинского кризиса не хотят оставаться в стороне и стремятся воспользоваться ситуацией для реализации своих стратегических интересов. Как строить отношения с этими странами

и как направлять совместные усилия на поддержание мира и стабильности в регионе – это те вопросы, которые требуют внимания от Китая и России и которым необходимо находить практические решения.

В заключение хотела бы сказать, что, ускоряя российский поворот на Восток, Китай и Россия сталкиваются с глубокими и сложными изменениями в регионе. Эти изменения уже несколько раз были затронуты уважаемыми экспертами в своих выступлениях, поэтому я не буду останавливаться на них подробно. Но когда мы говорим о глобальной и региональной ситуации, о том, как дальше стоит укреплять сотрудничество, возможно, стоит сначала определиться с некоторыми понятиями, чтобы убедиться, что мы говорим об одном и том же.

Например, первый вопрос: Азиатско-Тихоокеанский регион или Индо-Тихоокеанский регион? В этом вопросе у Китая и России есть единое мнение. Китай и Россия придерживаются концепции Азиатско-Тихоокеанского региона, основанного на открытом сотрудничестве, взаимной выгоде и совместном развитии. Однако эта концепция уже испытывает серьезные вызовы.

Другой пример – понятие "Восток". Что такое "Восток": "международный Восток", "Юг", "мировое большинство" или "не Запад"? Эти понятия также требуют нашей дискуссии.

Еще один вопрос: нужна ли нам глобализация? И что мы имеем в виду под многополярностью? Какое у нас отношение к международным организациям и многосторонним структурам? Я считаю, что, хотя у Китая и России есть схожие позиции по данным вопросам, существует и ряд различий. Эти концептуальные вопросы требуют внимательного обсуждения между двумя странами, чтобы усилить взаимопонимание и скоординировать совместные действия в ответ на различные угрозы и вызовы.

Чжуанчи СУНЬ, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Олег Геннадьевич КАРПОВИЧ, д-р полит. наук, д-р юрид. наук, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: ogk@dipacademy.ru

Евгений Евгеньевич ВЛАСОВ, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

Лидия Николаевна СИДОРОВА, канд. полит. наук, заместитель заведующего кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

Вадим Борисович КОЗЮЛИН, канд. полит. наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Юнхуэй ЛИ, заведующая отделом многостороннего и регионального сотрудничества Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Василий Николаевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ, чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса, советник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: annadobcom@yahoo.com

Сян'ин ОУЯН, главный научный сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Марина Олеговна ДМИТРИЕВА, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Антон Александрович ГРИШАНОВ, канд. полит. наук, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: a.grishanov@dipacademy.ru

Ичэнь НЮ, младший научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Дарья Олеговна МАРТЫНОВА, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: daria.mosolova@gmail.com

Сяюнь ЦЯН, директор Центра России и Центральной Азии Шанхайской академии международных исследований, г. Шанхай, Китай, e-mail: external@siis.org.cn

Артем Леонидович ЛУКИН, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Сянжон ДОН, заведующая отделом политики стран Азии Института АТР и глобальной стратегии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Андрей Игоревич КОЗИНЕЦ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного

федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Сяньцзюй ВАН, заместитель директора Центра исследования России Народного университета Китая–Санкт-Петербургского государственного университета, г. Пекин, Китай, e-mail: international@ruc.edu.cn

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Юэ ШАН, заместитель директора Института Евразии Китайской академии современных международных отношений, г. Пекин, Китай, e-mail: yuhao@cicir.ac.cn

Zhuangzhi SUN, Director of the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Oleg G. KARPOVICH, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law, Vice-Rector for Scientific Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: ogk@dipacademy.ru

Evgeny E. VLASOV, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vlasov.ee@dvfu.ru

Lydia N. SIDOROVA, Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: lid.nik.sidorova@gmail.com

Vadim B. KOZYULIN, Candidate of Political Sciences, Head of the Center for Global Studies and International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Yunhui LI, Head of the Department of Multilateral and Regional Cooperation, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Vasily N. DOBROVOLSKY, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary of the 1st Class, Adviser to the Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: annadobcom@yahoo.com

Xiangying OUYANG, Chief Researcher, Institute of World Economy and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Marina O. DMITRIEVA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Anton A. GRISHANOV, Candidate of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: a.grishanov@dipacademy.ru

Yichen NIU, Junior Researcher, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Daria O. MARTYNOVA, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Topical International Problems, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: daria.mosolova@gmail.com

Xiaoyun QIANG, Director of the Center for Russia and Central Asia, Shanghai Academy of International Studies, Shanghai, China, e-mail: external@siis.org.cn

Artyom L. LUKIN, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of the Oriental Institute, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lukin.al@dvfu.ru

Xiangzhong DONG, Head of the Asian Policy Department, Asia-Pacific and Global Strategy Institute, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China, e-mail: zgshkxw@cass.org.cn

Andrey I. KOZINETS, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Xianju WANG, Deputy Director of the Center for Russian Studies of the People's University of China–St. Petersburg State University, Beijing, China, e-mail: international@ruc.edu.cn

Leonid E. KOZLOV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Yue SHANG, Deputy Director of the Institute of Eurasia, Chinese Academy of Modern International Relations, Beijing, China, e-mail: yuhao@cicir.ac.cn

Поступила в редакцию

(Received) 27.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024